

1.

Сентябрь в году двадцать девятом.
Немало времени прошло
С тех пор, когда по перекатам
Вниз по Томи наш плот несло.
Теченье прибывало к скалам,
Река сближала берега.
Казалось, что не отпускала
Нас, сыновей своих, тайга.
И неба синие глубины,
И кедры, и притихший плес,
И гроздь яркие рябины
Среди черемух и берез —
Все в этот день тайга открыла,
Звала к себе,
А на другой —

Так пасмурно, так неприятно
было,
Туман клубился над тайгой.
Река свинцово-серой стала.
Наш лодман, опустив весло,
Сказал:

— Чего нам не хватало?
Куда нас с вами понесло?
Не повернуть ли нам до дому?
Ни чемоданов, ни постелей,
Мешки холщевые. А в них —
Запас харчей на две недели —
Полпука сухарей ржаных.
Табак, бельешко кой-какое,
Иголки, шило, дратва, нож
(Должно быть рядом, под рукою
Все, без чего не проживешь).
Отцов и дедов долгий опыт
Он здесь, в холщевом был мешке.
В тайге, прокладывая тропы,
Они ходили налегке.
Любовь, житейскую закалку,
Вот все, что дать они могли.
И — присковую смекалку:
Как груды смерзшейся земли
Отбить кайлой одним ударом,
Как на плече бревно нести.
Их опыт был бесценным даром.
Он пригодился нам в пути.

☆☆☆

В конторе нас приветил кто-то:
— Давно вас ждем! Нужны вот
так!

Отправим завтра на работу;
Сейчас устроим вас в барак.
Барак на берегу Абушки.
Вдоль стен рядами топчаны.
Подушек нет. В матрацах —
стружки.

Завхоз сказал:
— Пока бедны.
Но тот, кто днем ворочал глину
Или ломал весь день гранит,
Тот не потребует перину.
Он и на стружках крепко спит.

2.

Озера. Ржавые болотца.
Холмы безлесные вдали.
И — тишина.
Лишь у колодцев
Скрипят в деревне «журавли».
Рассвет.
Но не такой, как летом,
Молочно-розовый, с росой,
А хмурый, солнцем не согретый.
Не побежишь к реке босой.
Трава желтеет и ложится,
К земле прижалась, словно дочь,
Что в сердце к матери стучится
И просит в горе ей помочь.
Печаль осенняя.

В бараке
Мгла от махры,
Веревки — вдоль.
На них развешаны рубахи
В заплатах, на загорбках —
соль.

У печки — обувь. Вся от глины,
Присохшей комьями, бела.
Храп, стоны, кашель.
Да... перина
Здесь оскорбленьем бы была.
Так на походном бивуаке
Отведенный на отдых в тыл
Спит взвод, измотанный в атаке.
...Вчера прораб нас попросил:
— Придите на работу рано, —
И объяснил: — Грозит беда.
Боюсь, что ночью котлованы
Затопит доверху вода.
...Поспать бы. Ломит руки,

спину,
Никак не встанешь с топчана.
И мысли хмурые все:
Глина!
Когда же кончится она,
Когда здесь что-нибудь другое
Увидим мы?
Какой расчет
Для нас прощаться был

с тайгою.
Где он, обещанный завод?
Копались в присковой яме.
Здесь котлован.
Одно и то ж!
Здесь щедро платят. Но рублями
Присковых нас не завлечешь!
У нас в крови сидит презренье
К тому, кто прячет рубль в
мошну.

А есть такие, к сожаленью,
«Я, брат, на Волгу махану.
Теплее там. И платят боле».
Другой коня себе купил.
Сбежал в деревню. Пашет поле

ОТ АВТОРА

Сейчас я работаю и, видимо,
еще длительное время буду
работать над поэмой «На
перевале», в которой хочу по-
казать жизненный путь приско-
вых ребят, пришедших на
Кузнецкстрой в 1929 году.
Мной закончена первая часть
произведения, посвященная то-
му периоду, когда герои поэмы
делали первые свои шаги к
тому, чтобы стать на всю
жизнь строителями коммуниз-
ма.

И рад не рад набравшись сил,
Он обещал вернуться снова.
Зачем?
«А как же, милый мой!
Коня купил. Хочу корову
Отсюда привести домой».
...Рубли, коровы, кони, хаты
Нас не манят.
Иной наш склад.
И все ж, как малые кутята,
Тогда мы были. Невпопад
Тянулись к чужаку, как к брату.
Лихим был очень
Этот «брат».

Плясун. Сыграет на двухрядке,
Да так, что вся душа вздремет.
Всегда увертки да ухватки.
Чудит, острит, смешит народ.
Одет — нельзя еще шикарней:
Жилет, цепочка и брелки.
Перед таким другие парни
Как годовалые телки.
И на работе он не хуже.
Смекалист, ловок, быстр, силен.
Но как-то: мы — все время

в лужах,

И на сухом все время — он.
И если где тяжелый камень,
Мы сами говорим:

«Не тронь!
Какими, Гошка, ты руками
Вечер возьмешься за гармонь?!».
«Я помаленьку... понемножку...
Посторонитесь... Я — сейчас».
Из кожи лезли мы за Гошку,
А Гошка крикает за нас,
В субботу вечером в бараке
После полочки был гулеж.
Перепились; дошло до драки
И здесь Георгий вынул нож.
Все — в рассыпную в пьяном
страхе,

А Гошка опрокинул стол.
В одних кальсонах, без рубахи.
В татуировке весь: орел,
Змея спустила жало в чашу.
А что творилось на спине?!
Обережем мы скромность вашу.
Читать не вам. Писать не мне.
...Кричит:
«Я ничего не знаю!
Я псих! Пять раз сходил с ума.
Кто я такой?
Мне мать родная —
Не мать родная, а тюрьма!».
Связали. Просит, пьян и гадок:
«Не доводите до тюрьмы».
А на душе у нас осадок,
Как будто в грязь залезли мы.

☆☆☆

Прораб нас ждет.
«Пришли, ребята?
Зря поднял вас. Вода сбыла,
Морозы скоро. Вот тогда-то
Живей пойдут у нас дела».

3.

Декабрь.
Дела идут быстрее.
Дела в руку взял; ладонь обжег.
...На бровке котлована реет
Покрытый инеем флажок.
За труд наш первая награда.
И гостя к нам в забой пришла:
— Привет, ударная бригада!
Как тут у вас идут дела?
Сама в ушанке и в шилели.
Ресницы в инее.

...От нас
Не отходила три недели,
Буквально не спускала глаз.
Сперва мы ей не доверяли
(Юнцы — опасливый народ),
Сердились: «Что нам эта краля
Дохнуть спокойно не дает?
Ну, раз пришла бы и — спасибо!
Но каждый день твердить к чему,
Что есть Филиппов
И могли бы
Очко вперед мы дать ему.
Что старше он, а мы моложе,
Что с ним сравняться это —
честь.

А мы и сами знаем: можем!
Но на рожон зачем нам лезть?
Сдалось нам первое то место!»
И зло берет:
Ей нужно знать,
Что пишет из тайги невеста,
Как там живут отец и мать;
Как мы расходует деньжата?
Мы, что же, сами без ума?
Иди в забой,
Возьми лопату
И поработай-ка сама.

Благодарим вас за заботу.
До ссоры оставался шаг.
Но обошлось.
Она в субботу
Пришла к нам вечером в барак.
«Пришла ругаться за то, что портим
(Мы усмехнулись) жизнь свою».
Разделась.
А на кофте — орден
За храбрость и за кровь в бою.
Но не о нем у нас вначале
Был разговор.
Она пришла
Сказать, чтоб мы на завтра ждали
К себе Филиппова.
Света!

Прижали к стенке! Сделан вызов,
А мы что, сдрейфим? Как не так!
Посмотрим,
Кто там будет, снизу!
И «посмотрели», вот он, флаг!
...Передала свою нам смелость,
Упорство страстное в борьбе.
...Ей, видно, очень не хотелось
Сказать нам о самой себе.
«Ну, воевала! Что такого?
— Да, наградили. Не одну».

Но увлеклась.
И с нами снова
Прошла гражданскую войну.
Тогда, что не доскажет словом,
По вздоху, по глазам поймем.
Взгляд то становится суровым,
То мягким светится огнем.
То вся вскипит; то скажет тихо
О ком-то близком: «Умер он».

...Двадцатилетняя ткачиха
Ведет в атаку батальон.
Лежит в засаде над рекою,
Взрывает бронепоезда.
И видим мы ее такую,
Какой была она тогда.
Она становится все ближе,
Понятней в юности своей.
И каждый мог сказать:

— Я вижу
Себя всего, до капли в ней.
Вот я какой на самом деле!
Такой же точно, как она!
Но я не видел ясной цели,
Теперь и мне она видна.
Теперь мне все понятно стало:
Кто я такой,
Зачем я здесь.
Трудиться просто — это мало!
Есть у меня и долг, и честь.

☆☆☆

Лежат под старым одеялом
Два друга. Говорят о том:
В их прежней жизни не бывало,
Что мы романтикой зовем.
А, впрочем, нет.
Была и прежде
Она, романтика, была!
То сказка древняя к надежде
На небывалое вела,
Все может сбыться и случиться!
Вдруг где-нибудь в глухом логу
Свила гнездо свое жар-птица,
Иль на неведомом лугу
Конь-горбунок в тайге пасется,
Или заржавленным ведром
Достанешь рыбку из колодца.
Приси все: еды, хором.
Затем, когда мы повзрослели,
Пришли другие к нам мечты:
Побыть с Буденным в жарком
деле —

Брать в лоб высоты и мосты,
Чтоб Вороной, как вихорь, несся
И ветер гриву развевал.
Затем увидели мы косы,
Лица девичьего овал.
Всего сильнее мы жалели,
Когда отталкивали плот,
О ней хорошей. Неужели
Забудет все? Не обождет?
Да разве лучше есть
присковых,
рисковых
Ласковых девчат?

Ходить им в городских обновках,
Когда вернемся мы назад!
...Была романтика. И все же
Она была совсем не той,
Совсем отличной и не схожей
Вот с этой творческой мечтой.
Труда грядущего громада
Теперь нам сделалась ясна.
Нет, не кайлу с лопатой надо.
Машина-чудо здесь нужна!
Чтоб грабари не гнули спину
И не стонали по полу.
Чтоб эта самая машина
«брала» и глину, и скалу.
Сквозь горы шла
И под морями!
Барак... махорочная мгла.
А двое, став богатырями,
Вершат могучие дела!
...Предчувствие пути большого...

☆☆☆

Метель морозная с утра.
И глина, глина, глина снова.
И стыннут ноги.
Но вчера
Намного крепче воля стала.
Все силы собраны в кулак.
Вчера навстречу перевалу
Ступили мы
Свой первый шаг.